

Юй Уцюэ пролежал пластом целых три дня.

Его будни состояли из еды сразу после пробуждения и сна сразу после еды, и так по кругу, словно его откармливали на убой. Он уже успел повидать всех десятирех братьев из рода Ся: то заходя, то выходя, они прислуживали ему с крайним гостеприимством и заботой, вот только в них едва ли ощущалась хоть капля живого тепла.

Впрочем, отвар, прописанный чжэньжэнем Юнлэ, оказался на редкость действенным, и спустя три дня Юй Уцюэ уже смог подняться.

В этот день Кунчжи снова принёс лекарство.

— Почему молодой господин поднялся? Как вы себя чувствуете сегодня?

Юй Уцюэ беззаботно улыбнулся:

— Гораздо лучше.

Окинув взглядом усыпанную деревянной стружкой постель, Кунчжи крайне изумился:

— Что это молодой господин делает?

— О, я заметил, что суставы на руках у Ся Сы сильно изнашивались, поэтому подыскал материалы, чтобы сделать ему новые, да заодно и остальным всё заменить.

Перед Юй Уцюэ стоял огромный плетёный закром, однако он всё равно не мог удержать разлетающуюся во все стороны деревянную стружку. У края кровати на углях подогревался небольшой круглый котелок, в котором плескалась неизвестная жидкость тускло-золотого цвета.

Здесь очень сыро, а если покрыть дерево слоем вот этого средства, оно не будет гнить. Я заметил, что у Шанся Тайвэя тоже нанесён похожий слой, просто Ся Сы и остальные, похоже, давненько за собой не ухаживали, и покрытие облупилось. Я нанесу ещё один слой, хочешь?

— Оказывается, вот для чего были все те баночки и скляночки, что привезли с горы.

Кунчжи бережно взял деталь в руки и всмотрелся. Мало того что всё было выполнено очень старательно, так ведь эта водостойкая пропитка некогда создавалась Хэ Бугуем: тот бессонными ночами испытывал сотни лекарственных отваров, прежде чем смог подобрать нужный состав. Кунчжи никак не ожидал, что Юй Уцюэ тоже сумеет её приготовить.

— Благодарю молодого господина за доброту, но у марионеток личной стражи есть строго отведённое время для ухода, и выполнять его должен исключительно сам хозяин, никому другому это не дозволено.

Рука Юй Уцюэ замерла:

— Значит, раз я заменил детали для Ся Сы, Шансянь не рассердится?

— Нет. Раз молодому господину нравится этим заниматься, так даже лучше. Я принёс вам свиток по поручению хозяина: когда ваши ноги окончательно заживут, все эти заботы полностью перейдут на молодого господина.

Юй Уцюэ принял толстый свиток, развернул его и бегло просмотрел, после чего разом опешил.

Внутри описывалось три сотни пустяковых хлопот: от столь мелких, как «каждый лист на лotosовом пруду должен быть вытерт дочиста» и «каждый завиток на бороде каменных львов на мосту следует заново отполировать», что ещё можно было понять, до куда более нелепых — вроде «чайный лист для Шанся на сегодня должен быть закручен строго в одну сторону» и «вода для омовения обязана на три части состоять из аромата цветов, на три части — из аромата листьев, и на четыре — из живой, бьющей ключом прелести».

На обложке с самым серьёзным видом красовалось название Книга важных дел, но само наполнение выглядело так, будто кто-то просто от нечего делать набросал с десятков выдуманных на ходу правил.

Надо полагать, у Хэ Бугуя, кроме как запираяться и лупить людей, не оставалось иных способов кого-нибудь извести, вот он и выдумал целую кучу важнейших пустяков, чтобы привязать его к месту.

Юй Уцюэ натянул на лицо улыбку и процедил сквозь зубы:

— Ученик принимает наказание. Прошу передать Шансяю, что я сделаю всё так, чтобы он остался доволен.

За те дни, пока Юй Уцюэ залечивал раны, Хэ Бугуй больше ни разу не заикался о нём. Если бы не Кунчжи, который то и дело заходил с докладами, Хэ Бугуй и вовсе забыл бы, что у него кто-то взаперти.

Шансяй Тайвэй заперся в Главном зале за какой-то работой, и обстановка там мало чем отличалась от покоев Юй Уцюэ — старший брат под стать младшему: вокруг точно так же валялись обломки, несколько жаровен подогревали пропитку, рядом стояла подставка под чашки, поддерживающая постоянную текучесть жидкости, а бамбуковые трубки время от времени издавали глухой звонкий стук при столкновении.

Скрестив ноги, он сидел посреди царившего вокруг беспорядка, и порой такое сидение затягивалось на целые часы.

Кунчжи толкнул дверь и сразу перешёл к делу:

— Хозяин, молодой господин Юй снова хочет что-то занять.

Тот сорванец то шлифовальную машину сегодня попросит, то печь ему завтра понадобится, то послезавтра вздумает запастись языками пламени — просто бездонная бочка ненасытных желаний. Получив с утра указание во время лечения не чинить препятствий, выдавать всё необходимое по первому требованию и лишний раз не докладывать, Кунчжи обычно молча приносил всё после отчёта.

Но раз сегодня он пришёл доложить лично, значит, просили явно не о чём-то заурядном.

Хэ Бугуй рассеянно поднял голову и спросил:

— Чем это он вообще занимается? Разве у него ещё не зажили ноги и он не прикован к постели?

— Молодой господин Юй не может сидеть без дела. Хотя с постели он вставать не в силах, но соорудил на ней миниатюрный столик и уже начал мастерить марионеток. Помимо починки тех сломанных, он успел повозиться со всеми слугами из Обители Сяюй — нанёс водостойкое покрытие и смазал суставы, так что нынешнюю ежегодную профилактику можно считать выполненной.

Хэ Бугуй:

— ...

— Молодой господин Юй ещё хотел бы попросить немного акуловой марши и кальмаровой травы — говорит, хочет сделать новую марионетку в виде кролика с имитацией живого существа и поместить туда ядро духа. Он изначально собирался найти для кролика такое пристанище, да только денег на покупку не было, а теперь, узнав, что они у нас есть, решил поинтересоваться, нельзя ли одолжить. Но вещи эти ценные, я не осмелился отдать их просто так и пришёл спросить волю хозяина.

Акулова марша заменяет кожу, кальмарова трава — шерсть. Обе эти диковинки добываются на самом дне океана и являются редчайшими материалами для создания марионеток с имитацией живой плоти. Наверху одна ляна стоит пятьдесят алых нефритов, вещь поистине драгоценная. Обычные мастера янь обычно тратят все силы и средства на подвижность и практичность марионеток, а до такой высшей степени совершенства во внешнем виде и технике изготовления, как имитация жизни, они и вовсе не доходят — жалеют огромных денег.

Пожалуй, лишь мастер янь высочайшего уровня вроде Хэ Бугуя требует безупречности во всём, добиваясь того, чтобы каждая созданная им марионетка непременно оказывалась выдающимся творением, и именно благодаря этому ему удается сохранять неизменное сердце мастера.

Именно поэтому его марионетки, вне зависимости от их размеров, стоят баснословных денег. Каждый год на Ладье Тысячи Журавлей устраивают грандиозный аукцион в Городе Цяньхэ, разыгрывая по предварительной записи право на покупку яньцзя Хэ Бугуя. Самой дорогой марионеткой, ушедшей с молотка по рекордной цене, стал Фансян — охранное божество гробниц, отгоняющее злых духов и нечисть, созданное руками всё того же Хэ Бугуя и проданное за восемьсот тысяч золотых нефритов. Ради заветного права победы adeпты различных сект не раз сходились в жестоких схватках до крови.

Палящий Дворец — самое богатейшее место во Дворце Тяньцзи, здесь есть абсолютно всё, но это не значит, что всё можно раздавать налево и направо.

Возможно, дело было в той фразе «всех кроликов вырастил я», а возможно, Хэ Бугуй признал в Юй Уцюэ то отношение к делу, какое и подобает настоящему мастеру янь. Подумав немного, он дал согласие.

— Кунчжи, заведи долговую книгу. Впредь выдавай ему всё, что попросит, вне зависимости от ценности, но каждую трату записывай с точностью до мелочи.

— Но ведь у молодого господина простое происхождение, не говоря уже о будущем, он даже эту ляну кальмаровой травы вряд ли сможет вернуть.

— Никто и не рассчитывает на его возврат, — бросил Хэ Бугуй с барским пренебрежением. — Раз уж берётся использовать, пусть делает это осознанно. Только оставшись должным, человек начинает понимать, что всё в этом мире даётся не просто так.

Помолчав немного, Хэ Бугуй спросил:

— Какое жалование у разнорабочих у подножия горы?

Кунчжи ответил:

— Младшие разнорабочие получают по сто охристых нефритов в месяц.

— Исходя из этого и считай, пусть гасит долг прямо по записям в книге.

Одна тысяча охристых нефритов стоила одного алого нефрита, а цена одной ляны кальмаровой травы составляла пятьдесят алых нефритов. Быстро прикинув в уме, Кунчжи пришёл к выводу, что при выплатах из жалования разнорабочего Юй Уцюэ придется отработать целых сорок лет.

— Хозяин проявляет глубокую мудрость — так он хочет закалить характер молодого господина.

<http://bllate.org/book/21954/2281019>